

НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

2 2005
АПРЕЛЬ

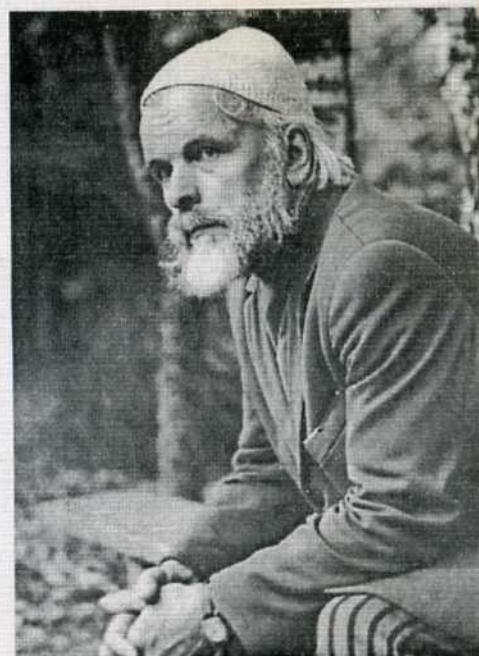
ISSN 1684-7466

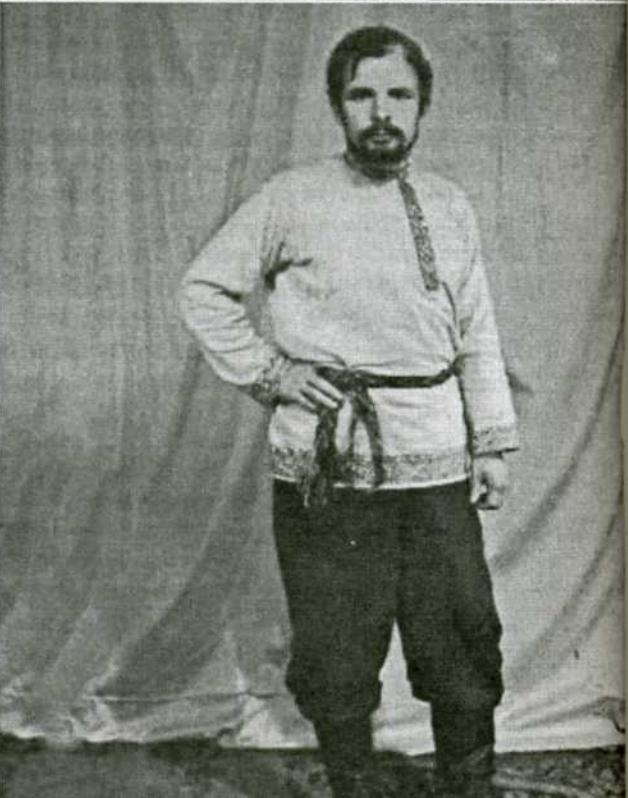
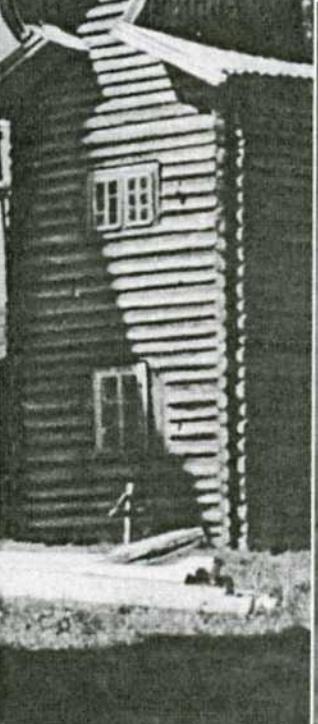
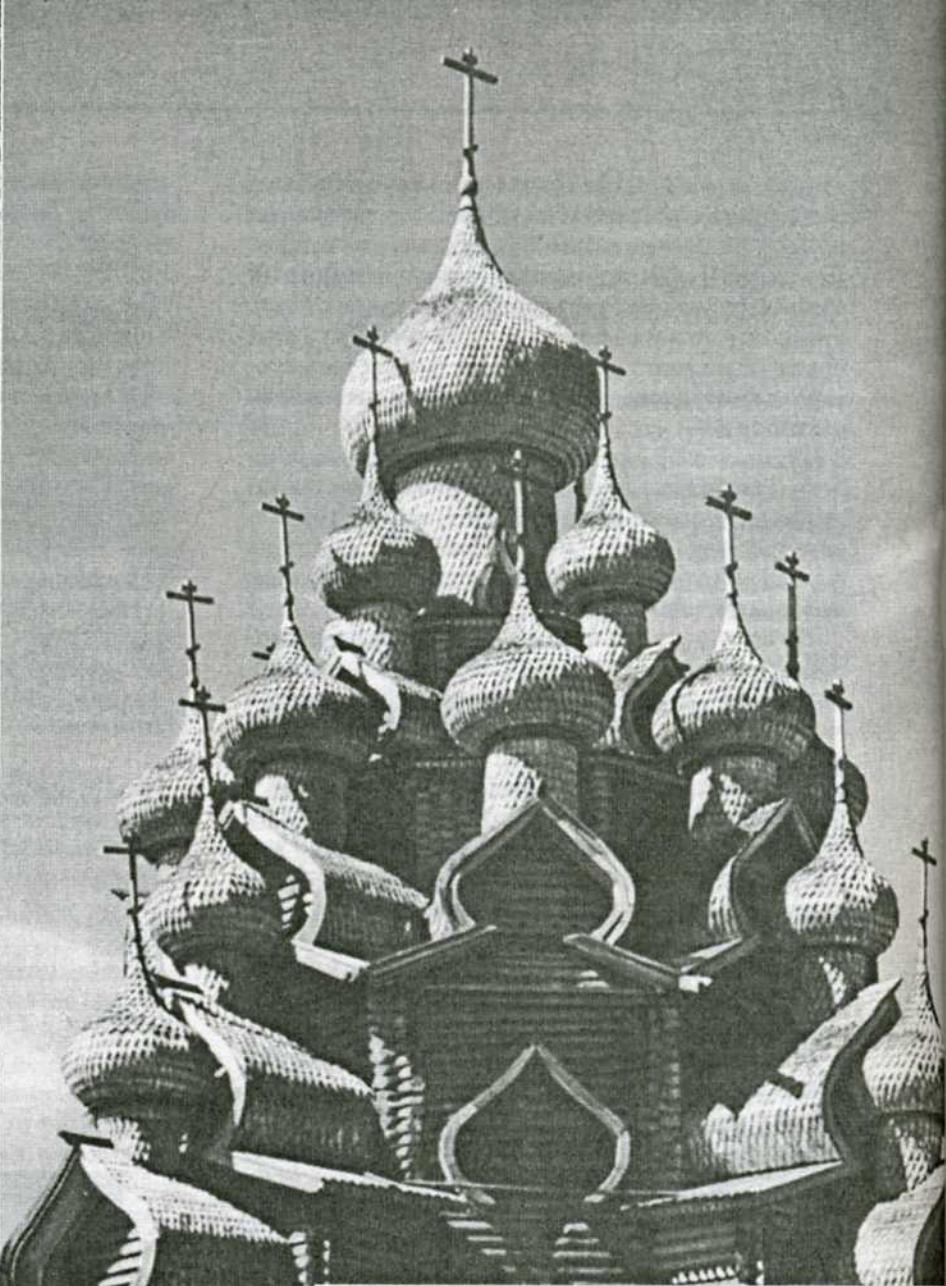
СЕРИЯ
ДУХОВНАЯ
ПРАКТИКА

Украсный
мир
Дмитрия
Балашова

НАУКА
и
БИЗНЕС
на Мурмане

- Верхнее фото на стр. 38
В Успенской церкви села Варзуга
- Д. М. Балашов среди членов делегации деятелей Российской культуры на приеме у Папы Римского Иоанна Павла Второго в честь тысячелетия крещения Руси
- Д. М. Балашов среди российских писателей. Поездка в Кижи
- Праздник славянской письменности
Д. М. Балашов беседует с епископом Новгородским и Старорусским Львом Новгород. 1990
- В Чеболакше
- Большое фото. Кижи
- Нижнее фото на стр. 38. Д. Балашов

ПРОЩАНИЕ С ДМИТРИЕМ БАЛАШОВЫМ

С. Панкратов

Ночью, в половине второго, позвонил Гриша — Григорий Михайлович Балашов, родной брат писателя: «Станислав, Дмитрия убили. В деревне под Новгородом, где у него дом, дача... Он был один, нашли не сразу... сейчас там милиция разбирается, ну, ты понимаешь. Звоню, чтоб ты знал...»

Митю — убили. Ну какой теперь сон: память работает вспышками... И внутри меня все протес-тует против этой страшной вести...

...Мы познакомились на Терском берегу Белого моря, сорок лет назад. Я шел по берегу, от деревни к деревне, от севера к югу (хотя и юг там — заполярный) — шел и писал книгу «Солнечный ветер». В знаменитой Варзуге, около церкви, которая вошла во все альбомы и справочники русской деревянной архитектуры, мы и познакомились. И потом немало часов провели около этого удивительного, одухотворенного сооружения... Я шел по берегу моря и писал книгу, а Дмитрий подолгу жил в деревнях Терского берега и записывал фольклор — песни, сказки, причитания, свадебные обряды, поговорки, — да все, чем так богат наш простой

Дмитрий Балашов и Станислав Панкратов в Варзуге

народ в нетронутой глубинке. До такой даже степени нетронутой, что встречал я там старух, почти век проживших и не видевших паровоза. В такой русской глубинке и сохраняется удивительный наш фольклор — истинный фундамент национального самосознания и мышления. Там впервые Дмитрий и рассказал мне об одном историческом персонаже, который почему-то сильно его волнует — о Марфе-посаднице, в чьих древних владениях мы и находились в Варзуге.

Как рассказывал Дмитрий о знаменитой церкви, о Марфе, о своей собирательской экспедиционной работе — об этом я поведал в той далекой своей книжке и помню до сих пор. Та наша встреча стала началом нашей сорокалетней дружбы. Не могла не стать, потому что встретились два творческих человека, полностью в навсегда захваченных своим призванием. И было вполне естественно, когда через год нашу молодежную редакцию в Мурманске разогнали (за избыточный юмор на страницах и дух независимости от обкома комсомола) и я приехал в Петрозаводск и некоторое время ночевал на кухне у Мити Балашова, он жил тогда неподалеку от нынешнего стадиона «Спартак» на втором этаже деревянного дома. На этой же кухне, позже, мы провели многие десятки часов в разговорах серьезных и не очень, в нашупывании своих тем для работы, в обмене волнующими нас мыслями, — словом, в нормальном общении интеллигентов-шестидесятников, как теперь многие себя называют из этого поколения. На этой же кухне (в комнате

спали дети — Аня и Вася и мама Дмитрия — Анна Николаевна) он впервые поделился со мной своим желанием сменить научную работу — писательством, то есть, поменять жизненный жанр...

Дмитрий и тогда, в начале 60-х, был весьма свидущим человеком, ученым-фольклористом, но его познания имели, можно сказать, расширительный характер, он воспринимал народное творчество не только как мифологию, не только как эмоциональный всплеск на конкретную тему, не только как творческий результат определенного периода народной жизни. Но всегда — как коллективное философское народное резюме, народный приговор тем или иным событиям, явлениям, характерам, личностям, поступкам... Впрочем, тут я не специалист, высказываю сугубо свое, читательски-слушательское понимание. Между датой того кухонного разговора и датой обнародования Балашовым своего главного замысла — «Государи московские» — прошел не один год. В этот промежуток уложились многие его работы как фольклориста, а также книги «Господин Великий Новгород» и «Марфа-посадница», которые оказались как бы «разминкой» в его писательской судьбе...

Помню, меня приятно удивила манера Балашова собирать экспедиционный материал. Он жил в деревне не как некий элитарный спец, требующий к себе особого отношения, эта как столичная штучка. Нет, он запросто носил воду для пожилой своей хозяйки, пилил и колол дрова, поправлял покосившееся крыльцо, а однажды мы с ним два полных

Варзуга

Книга Мурманского книжного издательства. 1972
Художник Т. В. Ковалева

дня провели на сенокосе вместе с колхозной бригадой, которая почти вся состояла из знатоков фольклора, там — все знатоки, ведь то, что мы, городские умники, считаем фольклором, — для варзужан всегда была естественная жизненная среда обитания. Дмитрий заправски косил траву, настраивал косу, и одновременно разговаривал с кем-нибудь из местных косцов, кто работал рядом с ним. Иногда он прислонял косовище к плечу, доставал блокнот и записывал слово или оборот, или поговорку-присловье. Для характеристики тогдашних наших ощущений я просто приведу отрывок из своей книжки, из главы «Варзуга»:

«Ждали машину, ехать на покос. Позевывали, обменивались утренними малозначащими словами, настраиваясь на долгий рабочий день. И вдруг, над серыми мелко-будничными словами неизбывательного разговора всплыло что-то большое, свое-обычное, что-то сродни трехсотлетней церкви, у которой мы стояли: «Постой, подружка, дай мне слово молвить...» И дальше — как всплеск: «Коль люди не удивленны!» Меня просто-таки ослепили эти слова, я даже не рассыпал, о чем женщина говорила дальше. Коль люди не удивленны!

Так мог начать речь философ Сенека, будь он происхождением новгородец. Так воскликнуть мог

мятежный Аввакум. Так удивиться и приветствовать можно и людей и солнечный восход...»

Такое было впечатление от Варзуги и языка ее жителей. Но для меня это был всего лишь эпизод в короткой творческой поездке, а для Балашова — длительная и уже естественная языковая среда, в которой он жил месяцами.

Результаты наших северных походов увидели свет в журналах, в том числе московских, вышли отдельными книгами. Мы тогда слишком поверили в тот ветер перемен, который повеял в нашем обществе в начале 60-х. Стали выражать свои мысли достаточно раскованно, поверили, что жизнь действительно можно прожить с полной, без страха, безоглядной интеллектуальной отдачей. Я очень быстро поплатился за свое легковерие и вынужден был уехать из Мурманска в Петрозаводск, где и притулился на балашовской кухне в ожидании постоянного жилья. Но процессы интеллектуального раскрепощения шли в разных областях с разными скоростями. Журнал «Север» в Петрозаводске, к которому я прислонился и сердцем и душой, печатал прозу и очерки, в которых и впрямую и в подтексте выражалась надежда и уверенность, что жизнь наша может и должна быть свободнее, человечнее, надежнее — и жизнь простого народа, и жизнь профессионально мыслящего интеллигента. В Карелии было хоть ненамного, но все же теплее...

А Дмитрий Балашов использовал новые возможности совсем не для себя лично, — коль люди не удивленны! Он практически в одиночку начал битву (я хотел сначала сказать — кампанию, нет, все-таки — битву) за спасение памятников деревянного зодчества в Карелии и на всем пространстве Русского Севера. В том числе и в Варзуге. Потому что, хоть и повеял в начале 60-х ветер свободы и достоинства, инерция разрушения была слишком сильна, чтобы остановиться вдруг: церкви и часовни продолжали сносить, и многие наши шедевры спаслись потому только, что судьба воздвигла их на Севере, вдали от партийно-чиновниччьего, нарочито атеистического взгляда... Одновременно с Балашовым участвовал в той битве и Леонид Леонов — в защиту лесов. И многие другие деятели действительно русской культуры. Их совместными усилиями и была создана к 70-му году атмосфера в обществе, когда стало считаться неприличным быть разрушителем. Когда понятие безродного вандализма слишком переплелось с господствующей идеологией и последней пришлось уступать завоеванные, казалось бы навсегда, атеистические и русофобские позиции... Заслуга Балашова и всех, кто помогал ему в той нелегкой борьбе, в том, что красота стала утверждаться в обществе — выше сиюминутных идеологических предпочтений. Немало! Совсем немало — для начинающего литератора и младшего научного сотрудника провинциального отделения Академии наук... Дмитрию

Балашову та его индивидуальная кампания за спасение деревенских часовенок, увы, не прибавила ни авторитета во властных структурах, ни зарплаты, ни почетных званий. На свой страх и риск он пробивался к столичным знаменитостям, собирая подписи под коллективными письмами в защиту российских древностей и красоты, действуя единственным возможным способом, — через головы местного партийного и прочего начальства. И вскоре ему пришлось уйти из института в нашем Карельском филиале АН, в котором у него был хоть и скучный, но все же гарантированный кусок хлеба. Не забудем еще: в то время семья его состояла из пяти человек, а зарплата была что-то рублей сто сорок. Да, нужно еще заметить, что большинство поездок в Москву и Ленинград во спасение памятников деревянного зодчества Балашов предпринимал за свой счет, а каждая десятка, оторванная от тех ста сорока, немедля отзывалась на обеденном столе Балашовской семьи.

Состоявшийся жизненный путь серьезного человека всегда начинается с постановки перед собой основной жизненной задачи. И чем раньше — тем лучше, всякая живая душа имеет право на спецификацию... В случае с Балашовым именно так и произошло.

Размышляя о жизненном пути Дмитрия Михайловича, я, как мне кажется, понял формулу и принцип его самовоспитания: первое — это был непрерывный контакт с красотой, второе — красота эта была фундаментальной, народной.

Лично я и теперь не уверен, спасет ли красота мир, когда с таким ожесточением работает конвейер бездуховности, денно и нощно обрабатывая миллиарды умов.

Мы все уже слишком свидетели печальной современной арифметики: чтобы человек стал человеком — понадобились многие десятки тысяч лет, а для расчеловечивания личности вполне достаточно нескольких месяцев умело организованной разрухи... Но как ни трудно, и как бы протяжны ни были тяжелые времена предаваться глухому безвозвратному отчаянию смертный грех... Надо жить, непрерывно созиная добро. Такой именно житейской стойкостью и выделялся Дмитрий Балашов. Исконные вековые традиции русского мастерства, которые в прекрасных образцах существовали (и в Варзуге, и на Соловках, в Кижах, — и еще тысячи примеров, от Балтийского моря до Охотского), традиции эти нуждались уже в продуманной и страстью пропаганде и даже в простом обнародовании, если угодно.

Слишком долго нам талдычили с высоких трибун, будто в России до 17-го года ничего стоящего вообще не было, будто настоящая русская история только и началась после Октябрьского переворота. И начал злостную эту околосицу сам Владимир Ильич, заявив, что севернее от Вологды одна толь-

ко дикость и ничего, кроме дикости... И это про Русский Север, где жители сами устраивали мореходные классы в селах, где извечно существовала удивительная школа плотницкого мастерства, где вырос и сам Ломоносов...

Балашов остро чувствовал необходимость заново знакомить наш народ с собственными его достижениями и в архитектуре, и в резьбе по дереву, и в вышивке, и в устном творчестве — и во всех этих жанрах он был страстный: специалист, готовый и колена преклонить перед Мастерством, и в полный рост биться насмерть за сохранение и признание векового дедовского наследства. Казалось даже странным — такой сильный бойцовский характер в таком тщедушном теле. Это много позже, перевалив за полвека, Балашов слегка раздался и в плечах и в талии. А когда мы с ним встретились, ему было слегка за тридцать и он более походил на подростка, нежели на ученого мужа Христова возраста. Но бойцом (не кулачным, разумеется) он был всегда. Так уж сложилась его судьба, его жизнь. Ему приходилось, и нередко, на грани отчаянного риска, защищать свою точку зрения, и не только научную. Нередко же — объективность требует признать и это — Михалыч переступал через здравый (в то время весьма политизированный) смысл и настаивал на своем со всей ему присущей настырностью, могло даже показаться — оголтелостью. И страдал от этого, и даже в быту.

Всяко можно трактовать поведенческие механизмы. Вроде бы и не принято в интеллигентной среде с пеной, как говорится, у рта отстаивать свою точку зрения. Ну высказал — и отойди в сторонку, послушай иные точки. Однако в такой позиции и в нашей-то жизни не слишком ли размывается понятие принципиальности? И не чересчур ли срастается понятие терпимости — с равнодушием? Ведь принципиальность тоже понятие национально окрашенное, простите уж меня за это открытие. И температура принципиальности очень даже зависит от конкретной политической температуры — в обществе и государстве! Балашову многократно ставили в вину его горячность в диспутах, его непримиримость к оппонентам, чьи взгляды он считал разрушительными. Да, именно так и было. Причины? Кто-кто, а Балашов слишком хорошо знал методику принятия ответственных решений в нашей тогдашней отдельно взятой стране. В том числе и по вопросам культуры и духовной жизни людей. Отойти в сторонку и ждать объективного решения на общую пользу — значило быть нарочито близоруким, бесхребетным ожидающим манны небесной. Отойти и ждать можно было бы, если бы власть предержащие в подтексте каждого своего шага имели народное благо и благо страны, которой правила.

Вот уж чего не было! Не было, несмотря на заявления о непрерывном благе народа. И Балашов

сжигал себя на любом публичном выступлении — доказывая правоту своего понимания нашего общего пути... И что тут поделать, если он был именно такой и требовал, чтобы его так и воспринимали. Оспаривать можно живого человека, а теперь, в преддверии вечности, сказать следует только одно: это было ни хорошо и ни плохо, это было так.

Русский хирург Пирогов говорил, что ощущает себя органом мысли всего остального существующего мира. Чувство интересное и многозначительное, я верю этим словам великого хирурга уже потому, что он был исключительным профессионалом своего дела, а, значит, и гражданином мира, и всемирным профессионалом, и полное право имел определять свою роль во всемирном умственном процессе, да простят мне эту формулу специалисты. Думаю, Дмитрий Балашов вполне мог бы сказать нечто подобное о себе. Возможно, даже и сказал, но я просто не все им сказанное слышали и читал, грешен, признаюсь. Но даже если впрямую он этого не произносил, сегодня мы все, кто любит его творчество и вполне понимает его значимость как исследователя нашей истории, как писателя и мыслителя — мы все имеем право сказать то главное, итоговое, что заслужил Балашов всею своей жизнью: он, несомненно, один из важнейших для всех нас эталонов нашей исторической, философской, нашей национально-забоченной мысли. Русской и общероссийской.

Конечно, пройдут годы и годы, и многое из сугубо личной жизни Балашова и забудется навсегда и просто станет второстепенным для читателя, — останутся книги, которые всегда будут будоражить нашу историческую память. Сегодня же многие стороны его личной жизни вызывают у людей острый интерес, а, стало быть, не обходится и без многочисленных спекуляций и самого простого бытового вранья. Каков есть или каким был в частной жизни интересный художник? Вопрос, который современникам никак не безразличен... Тем более, что средства нашей массовой диффамации последнее время в совершенстве овладели сильнейшим жанром малохудожественной литературы — жанром печатной сплетни. Да, Дмитрий Балашов в жизни своей не обходился без игры, и это достаточно обычное дело у творческих людей, игра входит в обиход, в манеру, творческое поведение. Михаил был, и часто одновременно, и князем, в том числе и великим, и холопом, и военачальником высшего ранга, и простым ратником, он был всеми, о ком писал, и не могло быть иначе ни в его воображении, ни биографически, поведенчески. Помню, он мог сколь угодно долго, часами, сутками, говорить на древнеславянском языке о совершенно сегодняшних наших делах, при этом абсолютно все было понятно даже тем, кто никогда древнеславянского не слышал. И все равно — стран-

но было видеть на берегу Онежского озера невысокого мужичка в старинной русской косоворотке, плисовых шароварах и сапогах, без запинки говорящего на языке наших прапотцев, — ни дать ни взять — кадры из фантастического фильма о привидении из прошлого...

Кстати, это и была его обыденная и любимая одежда. И дома и на любого ранга собраниях-совещаниях-конференциях, какими так богата бывала наша недавняя жизнь. Когда Михаил впервые приехал в Великий Новгород, почетным гражданином которого он стал через несколько десятилетий, милиция прямо на перроне вокзала задержала будущего писателя и препроводила его в отделение — для выяснения личности столь странного путника... Готовый эпизод для художественного фильма о Балашове: в старинном русском городе советскому милиционеру показался странным и опасным человек в старинной русской одежде. Господи, воля твоя... Чего там скрывать, многим из тех, кто и хорошо относился к Дмитрию Михайловичу, его принципиальная приверженность русскому старинному костюму казалась игрой, избыточной настойчивостью убежденного русофila, не более того. Но даже если и так! Почему бы и нет? Почему все улыбаются и умиляются, когда видят мужчин-шотландцев в юбках и с висячим кошельком на интересном месте и никому не приходит в голову, будто шотландцы переигрывают в своем уважении к национальному костюму. А Балашов, видите ли, переигрывал... Коль люди не удивлены... Это теперь заговорили об определенной ценности сугубо личностного поведения. А Балашов всегда был таким — свое поведение и облик свой определял сам. И это ничуть не помешало, к примеру, римскому папе иметь с Дмитрием Михайловичем продолжительную личную беседу, которая, по длительности, превышала многие беседы папы с ведущими политиками современного мира. Любопытно, сохранился ли в Новгороде протокол того вокзального задержания? Вот бы сегодня его напечатать, рядом с указом о почетном гражданстве новгородском...

И в жизни обыденной Балашов не только думал, или читал, или копался в старых книгах, или заполнял тысячи страниц своим плохим, полудетским почерком, слишком крупным, чтобы на странице могло поместиться более пятнадцати слов. Рукопись его очередного романа, когда он нес рукопись на перепечатку, занимала обычно чемодан средних размеров, знаю это точно, поскольку не раз провожал Дмитрия на поезд с новой рукописью: в Москве была машинистка, которая понимала его каракули.

Нет, он не только священнодействовал за письменным столом. Но и убирал навоз вилами, и пи-

лил дрова, и строгал, и вырезал наличники, и пахал, и косил, много строил, и делал дубовый резной крест на могилу матери (который вскоре после установки украли), и совершенно свои, абсолютно оригинальные книжные полки, и висячие шкафчики, и даже крупную мебель. Он много делал своими руками, и, я уверен, не только потому, что ему долго приходилось экономить каждую копейку. Но потому именно, что личный физический труд, — труд тоже творческий — позволял ему пропускать через себя личную роль многих русских людей, живших задолго до него и оставивших после себя и каменный Московский кремль, и Соловки, и деревянные соборы и прекрасные образцы дворцовой мебели, и старинные книги, писанные киноварью и золотом, и множество образцов высокой мысли и высокого ремесла, сохранных в музеях, архивах и монастырях... Это важнейший постоянный элемент повседневной жизни Балашова — его руко-месла. Те тысячи часов, которые нынешние мужчины проводят перед телевизором, могли бы оказаться (последуй они примеру Дмитрия Михайловича) спасательным кругом для миллионов семей, ведь каждый что-то должен уметь делать кроме своей основной, с 9 до 18, дневной работы. И даже после гибели — тело Михалыча нашли в его столярной мастерской... А личный балашовский обычай — пропускать через себя, через руки, через ум и сердце разнообразные людские умения, житейскую мастеровитость — все это имеет глубокий смысл: ведь людское сообщество всегда было живо и духом и производством, непременным умением что-то делать. И в характере разных русских князей-строителей Балашов всегда подчеркивает именно это понимание: поддерживать делателей, а не болтунов. Вот, из «Марфы»: «В своих боярщинах Марфа навела строгий порядок и, не считаясь, помогала всем, лишь бы работали. Рубила избы погорельцам, раздавала коней и коров из захваченных стад, оделяла солью под будущие — когда поправятся — уловы семги, сельди, палтуса и трески. Показывала бабам, особенно из пришлых, как запаривать молодые еловые побеги скоту на корм, учила, как коров и овец подкармливать ягелем, что собирают для оленей. Сумела, заставила, добилась: в первую же весну распахали всю землю, хоть и не хватало рук, коней, сох, сбруи, семян. Холопы-дружинники валялись с ног от устали. Тут же паши, тут же, выпрягши и оседлав коня, скачи в набег, а с набега опять на пашню, не передохнув — пахать, боронить, сеять. Но знали — за Марфой Ивановной не пропадет. Ела с холопами, с дружиной, сама во главе стола. Не сдерживая соленых шуток, подчас и усмехаясь смелому слову. Не видали, когда спала. Силы брались — на удивление мужикам. И памятлива — вины не простит и выслуги не забу-

дет. Награждала так, что никто не был в обиде. И гостили подымавшиеся деревни...»

Такая вот простая технология заботливой власти, которая — всем на пользу. Которая знает цену простым рабочим рукам. Которая слишком хорошо знает цену земли и воды в своих боярских владениях... Кстати, от тех нелукавых времен остались еще и названия, которые в уходящем веке запамятовали переименовать. Боярщина, например, — на против Кижей. История никуда от нас не отворачивалась, история наша деликатно, одним только именем старинным, напоминает о себе и своих древних правилах. Не слышим.. Вот Дмитрий Балашов и стал умным посредником между нашим беспамятством и нашим же собственным прошлым, в котором страна богатела и расширялась обрастила деловым людом.

Заменили историю дела — историей ненависти и получили обезлюдевшую землю, политую химической и атомной отравой... Приехали.

Балашов, как истинно исторический, истовый писатель, и для себя самого, как личности, вытаскивал из нашей истории и свою собственную сюжетную линию жизни, линию поведения: для него жизнь народа и жизни лучших народных руководителей не были ни чем-то отвлеченным, ни чем-то безнадежно устаревшим.

Он верил, он был убежден: народ имеет свою собственную, веками выстраданную манеру жить в своей собственной стране, своем климате. Всякая иная манера жить не может быть навязана народу ни силой, ни пропагандой. Народ сам должен убедиться в необходимости изменений, каких бы стороны жизни эти изменения ни касались. Да, это может оказаться процессом медленным — но это будет процесс естественный, и, следовательно, — органичный. Навсегда. Балашов разделял взгляды Льва Гумилева и был дружен с ним. Быть может, именно поэтому Балашов совершенно не принимал постановленческие изменения в нашей жизни, которые до недавнего времени навязывала людям единственная в стране партия.

Но не принимал и изменения уже новейшего времени, которые, увы, продолжали разрушительные по отношению к народу тенденции, заложенные еще в начале века, и теперь представленные в новой упаковке... Это все старый расчет на короткую людскую память и плохое знание собственной истории. Все тот же старый расчет на зеленую молодежь, которую (первым делом) зовут отказаться от старых ценностей (всех!) и отвернуться от опыта отцов и дедов. Вспомним по этому поводу зверства разновременных завоевателей в разных странах, которые, случалось, вырубали под корень все старшее и среднее поколение, оставляя только малое-

летних, чтобы вырастить из них рабов, бессловесную скотину. Или — иной, более современный прием: выбить напрочь всю сколько-нибудь образованную часть общества, — и уничтожались все с высшим и средним образованием...

Читайте, читайте — историю!

Думайте, думайте о прочитанном, переживайте исторические факты, прикидывайте их на себя и свое время, — и тогда вы ясно увидите, как из века в век, из тысячелетия в тысячелетие повторяются одни и те же властные приемы, вы поймете, до какой же степени консервативна технология власти, в какой бы стране, в какое бы время эта власть себя ни проявляла... И власть — с плюсом, и власть — с минусом. А иначе — как не прогадать с выражением своего личного предпочтения на выборах?.. Этому тоже учат нас книги Балашова. А из сопоставления действий князей древних и князей нынешнего столетия вы поймете, до какой степени безразличия и цинизма по отношению к своему народу могут докатиться современные нам князья... Ну, это, как говорится, к слову. Мне, как и всем моим соплеменникам, уж очень хочется иметь, наконец, такое руководство в стране, которое, быть может, будет мало и не очень красиво говорить, но много и полезно работать на благо народа и страны.

Нашего народа и нашей страны. А не «этого народа» и «этой страны». Что поделаешь, такой у нас у всех каприз. Бог нам судья.

После окончательного ухода заметного, общественно значимого человека, работа и мнение которого были обществу небезразличны, сами собой являются версии, суждения и попытки выставить пожизненную оценку за поведение. Как правило, подобные оценки выставляются согласно уровню экзаменаторов и слишком часто — на уровне бытовой сплетни. Применительно к нашему герою приходится слышать и о его чрезмерном эгоизме, и прижимистости. Балашов прошел испытание самым страшным — ленинградским голодом военной поры. А не тем лечебным голоданием, которое вошло в моду у некоторых нынешних штатских — от чрезмерной сытости. Мы об этой биографической мелочевке склонны забывать, ведь теперь уж не так просто даже побеседовать с теми, кто подобное лично пережил, да и хочется ли нам затрагивать такие темы? И эта скромная деталь Балашовской биографии — переживание ленинградской блокады — если копнуть поглубже, имела безусловно огромное влияние на всю его дальнейшую жизнь.

Выше я уже упоминал о тех, естественных для Балашова, пожертвованиях, которые он привнес на общественный российский алтарь: и его поездки за свой счет по нашим столицам, когда он собирал подписи в защиту русской старины, и бес-

платную публикацию многих романов, и грандиозные его фольклористические экспедиции при копеечном их финансировании, и не забудем еще колossalную его общественную деятельность — сотни совершенно бесплатных выступлений в школах, институтах, разных организациях, по радио, телевидению, да всего и не перечислить...

Но и это не все. Здесь еще важен внутренний принцип, часто непонятный непосвященным. Балашов мог, не заглядывая в памятки, перечислить, что завещал-оставил князь Иван Калита своим детям, мог наизусть перечислить те в сущности пустяки, которые достались им в наследство. Главные деньги, главные средства Калита потратил на приобретение земель вокруг Москвы! Вот — его главное наследство. Балашов как бы взял Калиту за образец: на большое, государственно-значимое дело ничего не жалко, последнее нужно от себя оторвать. Ибо тогда-то только и закладывается гарантия для будущих поколений. А на простое бытовое проедание... ну, тут и потерпеть не грех, и, коли уж нужда прижала, — не грех и поработать сверх обычного, поспать чуток поменьше, — своими руками заработать на свое, внутреннее потребление... Как всю жизнь приходилось самому Михаилу, с детских даже лет.

Да, правильность и праведность — замечательные свойства... Смею сказать, что Дмитрий Балашов до последних дней своих окружен был аурой личного обаяния и великолепной мысли — о чем бы он ни говорил, и все это сопровождалось могло замечательно тонким юмором, — так что... сами понимаете. И не хочешь, а влюбишься!

Замечательно сказала одна из дочерей Балашова на его юбилее два года назад, в Новгороде, я был на том юбилейном банкете кем-то вроде тамады и предоставил слово всем присутствующим на 70-летии отца детям. Так вот, дочь сказала: «Мы знаем, как непросто жить с нашим папой, мы все это очень хорошо знаем. Но сегодня, в такой замечательный день, мы, все дети, хотим выразить нашу признательность и благодарность всем женщинам, которые делили с нашим отцом его жизненную судьбу. Без их искреннего сердечного участия он, наверное, не смог бы стать теперь таким, каким знают его миллионы людей в нашей стране...» Вот, пожалуйте, нравственная высота и понимание собственных его детей, которым вовсе нелегко досталась и теперь еще достается их собственная судьба, собственное становление... А дети Дмитрия Михайловича разносторонне даровиты, хорошо рисуют, лепят, рукодельничают, есть уже и профессиональные художники, есть способные коммерсанты, есть подающий надежды историк, теолог, но — самое главное — все они люди интересного внутреннего мира. Я уверен, мы еще много

услышим о них, поскольку все они, с детства, несут в себе очень своеобразный и разносторонний творческий заряд...

После ухода из жизни серьезного умного человека возникает, естественно, много желающих присоединиться к его славе. Не отнушу себя к таким. Из нашей с Дмитрием Балашовым солидарности в идеях — здесь отмечу единственную: мы оба понимали прогресс — как непременное повышение ценности человеческой личности и человеческой жизни. Простите за настойчивость, но позволю себе повториться:

— Прогресс есть — прежде всего! — повышение ценности человеческой личности и человеческой жизни. Все остальные признаки прогресса — вторичны, третичны и т. д. В этом аспекте — гибель самого Дмитрия Михайловича не позволяет пока превозносить до небес сегодняшнее состояние российского прогрессирования.

Сегодня каждый думающий человек понимает, надеюсь, что события последнего десятилетия в нашей стране непрерывно доказывают нам: разновидность именно нашей новой российской демократии, какой мы ее сегодня знаем, позорно упрощает возможности избавления общества от нежелательных (по разным причинам) личностей.

Да, в какой-то степени обращение Дмитрия Балашова к художественной литературе стало следствием той постоянной бесхлебицы, которая преследовала его, научного сотрудника, известного в России и в славянских странах фольклориста, и просто — серьезного умного человека, униженно-должностным окладом советского времени. Доходило до того, что Балашов вечерами резал из дерева солонки на продажу. У меня хранятся брачина его работы (триконы), и большая сосновая капчаша, покоящаяся на трех выразительных фигурах. И солонка, конечно. Но не станем упрощать. В перемене жанра гораздо важнее было то давление — на мозг и на совесть, которое испытывал Дмитрий Михайлович, хорошо осведомленный о ходе русской истории, хорошо понимающий ее пружины и взаимодействие исторических механизмов. Ему, несомненно, было очень недостаточно чисто научного взаимоотношения с отечественным историческим материалом. Ему было мало — в моральном даже плане — научных публикаций, которые всегда — для ограниченного круга читателей. Параллельно с занятием фольклором, все глубже погружаясь в отечественную историю, Балашов понимает, как важно донести правильную интерпретацию событий нашего прошлого до самого широкого российского читателя, введенного в XX веке в продуманное, иезуитски-достоверное заблуждение. Не стану здесь развивать эту мысль,

напомню только, что серьезные исследования русских историков лет семьдесят у нас не переиздавались, а прочитать их могли только специалисты по специальному же разрешению, поскольку труды эти были заключены в спецхране наших библиотек — в зоне правды. Балашов, как писатель исторический, сочетал в себе счастливые и редкостные свойства: он знал первоисточники и знал реакцию русского народа на конкретные события прошлого — ведь фольклор сохранил много конкретики, которую мы, неспециалисты, часто принимаем за сказочность, выдумку, фантазию. А народ наш, пропуская через память и сердце события своей истории, нередко облекает свое понимание минувшего в глубокие философские формулы, которые нужно еще уметь прочесть. Балашов — умел. Он как-то рассказывал мне, каких трудов и какого знания требует прочтение русских летописей, в том числе и недюжинное знание древнерусского языка, и тогда десяток строчек летописи сами собой разворачиваются во многие страницы современного текста... Это — как шифр, который понять может только посвященный.

Здесь многое еще можно было бы сказать на затронутую тему. Но — остановлюсь, скажу главное: Дмитрий Михайлович Балашов всей жизнью своей, всем разумом, голыми руками вытащил из горячей топки исторической плавильни нашу же собственную историю, как выгребают кочергой угли из русской печи... Но он — голыми руками!

И мы увидели вдруг, что исторические угли еще не подернулись пеплом забвения и холода, что они ярко светятся под нашим заинтересованным взглядом и требуют нашего внимания и нашего разумения.

И мы поняли вдруг, что и нам глубоко небезразличны события многовековой давности, что события эти продолжаются в нашем настоящем, а главное! — они составляют наше собственное естество, они входят в нашу плоть, в наш мозг, в нашу человеческую сущность, нашу генетическую память...

И мы осознали, в полной мере и на самом личном уровне, что и мы — персонально! со всею нашей семейной родословной! — мы тоже участники великого исторического процесса. И это, как бы нечаянное участие, вносит особую, молчаливую и скромную, значимость и значительность в нашу личную жизнь...

Это ощущение сопричастности дает душе нашей совершенно особенную высоту, которая и есть один из главных ответов на загадку русской души! Для нас и нет никакой загадки, просто мы сформулировать не хотим, да и зачем, если внутри себя мы ощущаем самое главное: честная русская душа — соразмерна божественной. Ведь человек создан по образу и подобию... Вся и загадка.

Не случайно же выпуск каждой новой книги Дмитрия Балашова из его знаменитой теперь серии «Государи московские» сопровождался невиданным читательским спросом — иногда 100-тысячный тираж разлетался в три дня! Покупали не только для себя, покупали для родных и знакомых, пересыпали в другие города, куда даже массовый тираж не доходил вовсе. Лучшим мурманским подарком в столицах считался копченый палтус (во — память!), а лучшим карельским — новый роман Балашова. Это было еще до нашей перестройки, пока книга, в начале 90-х, совсем не вывалилась из потребительской корзины. Но и потом, по сей день, Дмитрий Балашов оставался самым издаваемым серьезным русским писателем, выходили даже собрания сочинений, это в наше-то время...

Стало общим местом выражение: талантливый человек — талантлив во всем. Частенько это всего-навсего преувеличение, форма лести или заискивания. Но применительно к Дмитрию Михайловичу это — так. Он прекрасно рисовал, и не как-то формально, а именно в своей манере. Наверное передалось ему это от мамы — Анны Николаевны, профессиональной художницы театра.

От постоянного безденежья и высокого художественного вкуса Дмитрий Михайлович даже мебель для своего дома делал сам, а под Новгородом, в деревне, в своем дачном доме, сделал замечательные двери, наличники и многое другое — с живой деревянной резьбой по собственным эскизам. Когда в Новгороде снимался фильм о времени Отечественной войны (режиссер Салтыков, если я правильно помню), Балашова пригласили на съемки в качестве консультанта. Там, по сюжету картины, был местный художник, который пытался спасти от уничтожения Новгородские святыни. Когда Салтыков увидел и услышал Балашова, он немедленно предложил ему сыграть в фильме эту роль. И Балашов — сыграл. И как тут не вспомнить, что отец его был актером Ленинградского ТЮЗа, человеком весьма необычным, беззаветно преданным театру (он увлеченно играл даже задние ноги лошади Дон Кихота), и старшее поколение прекрасно помнит одну его кинороль, даже и не подозревая, что видели в фильме «Чапаев» родного отца писателя Дмитрия Балашова... А среди многих талантов Дмитрия Михайловича хочу отметить один из главнейших: он умел замечательно рассказывать! Любая тема становилась у него интригующей, занимательной, имеющей свое далекое и даже загадочное начало, свое удивительное продолжение во времени и пространстве. Он умел рассказывать — и увлекать людей своим рассказом, своим видением, своим пониманием событий. Очень важная особенность балашовского дара рассказчика — убедительность. Это всегда была (и в устных ва-

риантах, и в письменных) — достоверность непосредственного участника событий. Именно так. Даже если события эти происходили семьсот лет назад! В круге своего общения Балашов всегда был одновременно и замечательным сказочником и честным, нелукавым учителем. Думается, в этом кроется и секрет его популярности у самого широкого читателя в России, ведь настоящий русский писатель всегда был по большому счету именно — Сказочником и Учителем.

Еще два слова о том, двухлетней давности, Балашовском юбилее. По всему городу накануне расклеены были афиши: юбилейные вечера были в лучших залах Новгорода. Балашову присвоили звание почетного гражданина Великого Новгорода, губернатор Прусак подарил ему компьютерный издательский центр, который в коробках занял почти всю ширину сцены областной филармонии. Было три замечательных банкета, которые ни на одну минуту не становились рядовой пьянкой, но были насыщены удивительной сердечностью, взаимопониманием и духовностью. В Новгороде есть центр народного творчества, старый купеческий каменный дом, заново обустроенный внутри руками новых его хозяев, отделанный теплым деревом, с той же любовью, с какой это всегда делал сам Балашов. Дмитрий Михайлович отдавал в этот дом на постоянное хранение свои домашние архивы, фотографии, письма, черновики, аудио- и видеозаписи своих выступлений. Да и новгородский архив стал теперь серьезным хранителем балашовских материалов.

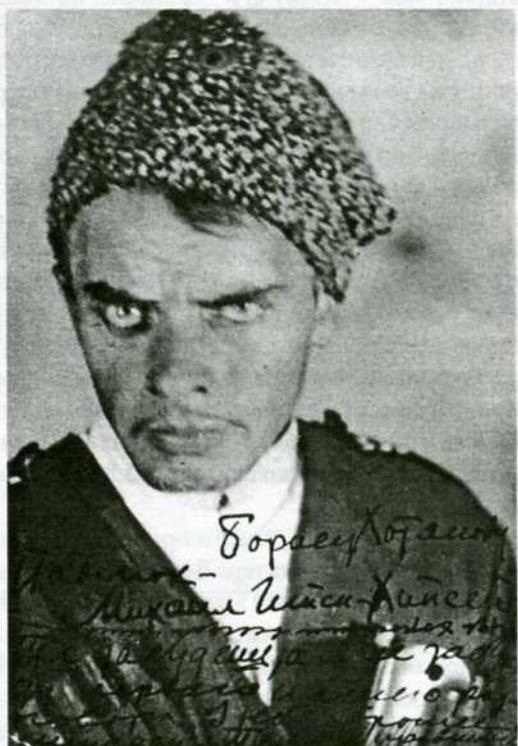
Балашов был удивительно упрям. Когда он стал жить несколько свободнее в материальном отношении, он решил купить машину. Помню, я тогда выслушал его и, зная наперед его личные возможности, очень просил: не водить самому, нанять водителя. Почему? Да потому что за десятилетия нашей дружбы чего только не происходило с Михаилом — и горел, и тонул, и нож ему в спину втыкали (в вологодской глубинке), и топором в голову угодили, слава Богу, не до смерти... Какой-то трагический рок постоянно висел над умной его головой! И я его предупреждал: не садись сам за руль, голова твоя слишком загружена, два-три раза в день ты поедешь не как нужно, а как тебе захочется, как посчитаешь нужным в ту секунду. И ведь прав я оказался, к несчастью: летел Дмитрий с обрывка, упал на берегу реки вместе с машиной, но Господь не допустил — не утонул, не разбился насмерть. А кто знает про тот печальный эпизод на улице в Твери, когда Балашов был за рулем «Волги», согласится со мной: предупреждение мое было слишком правильным. Увы. И накануне окончательной трагической развязки, за месяц, Дмитрий приехал в Петрозаводск на машине поучаствовать в юбилее журнала «Север». В пятницу, перед его

Дюка Гипси с родителями

Дюка Гипси (Дмитрий Балашов)

Михаил Гипси-Хипси
в одной из ролей

отъездом, мы пробыли вместе с часу дня до девяти вечера, говорили, делились планами, вслушивались о близком будущем. У Михалыча был усталый вид, он сидел на стенокардию, и я посоветовал ему отложить возвращение в Новгород хотя бы еще на сутки: отдохни, не садись за руль в нездоровье. Он, вроде, обещал именно так и поступить. Но ночью встал и уехал. А в середине субботы позвонил мне незнакомый человек и сказал, что был свидетелем того, как на дороге перевернулась и легла в кювет «Нива» Балашова, они проезжали мимо, остановились, помогли Михалычу выбраться из машины и отвезли его в больницу Лодейного Поля... Прошло совсем немного времени, и вот этот ночной звонок его брата, Григория, о трагедии под Новгородом. Не слишком ли настойчива оказалась Судьба? И не многовато ли совпадений перед главным трагическим событием? Мы, например, в последний день в нашей долгой беседе несколько раз поминали Петра Аркадьевича Столыпина. Кому задать вопросы эти? От кого услышать ответ?

Да что там мои автомобильные предостережения. И соседи в деревне Чеболакша на берегу Горской губы Онежского озера, где у него был свой дом творчества (впоследствии сгоревший), — уж как они отговаривали Михалыча идти в октябре через озеро в перегруженной лодке. Нет, пошел! Мотор остановился ночью, на высокой штормовой волне, в темноте ничего он поделать не мог, только ждал. Лодку его перенесло на двадцатом километре от Петрозаводска через все мыслимые луды — а камней там немеряно — и вода положила лодку на песчаную отмель, прикрыту островами от озерной волны. За близким лесом Дмитрий увидел свет фар на шоссе, выбрался на берег, проголосовал и мокрехонек добрался до города. Я потом на своем катере организовал спасательные работы — весь день промучились: разгружали по пояс, по грудь в холодной воде, выносили на берег разную утварь и припасы на зиму, заготовленные в деревне, потом конопатили обшивку, потом снова загружали, и уже затемно на большой пологой волне я буксировал перегруженную лодку до нашей гавани в городе, его мотор не удалось починить. Так что, можно сказать, разрывы ложились все ближе...

Однако сегодня можно и признать чистосердечно: это был — Характер! Ведь когда Балашов поведал мне и в редакции журнала «Север» о замысле своем («Государи московские»), рассказал о задуманной серии исторических романов — всем нам оставалось только головой покачать: исполнение подобного замысла требовало не одной, а двух-трех полноценных жизней. Не меньше! А Михалычу на день обнародования своей идеи было уже за пятьдесят! И мне в ту минуту оставалось только

удачи пожелать Дмитрию, без всякой уверенности, что мое пожелание сбудется, да и пошутить в привычном мрачном наклонении: дерзай, Михалыч, группа товарищей грозилась подождать... Он легко засмеялся, тогда, четверть века назад, у нас был любимый диалог: «Доктор, я помру?» — «Да как же». Но в том-то и характер! То, на что другому понадобилось бы полновесное десятилетие, Балашов укладывал в год-два нечеловечески напряженной умственной работы. И — выполнил. Выполнил! Коль люди не удивленны...

А его «Северная свадьба»! Задумал сделать полную запись всего свадебного обряда (столет не было подобной научной работы) — взял музыканта, двух студентов в экспедицию, взял магнитофон — и в считанные месяцы сделал работу целого института, работу, за которую любой институт выторговал бы себе парочку докторских и две-три кандидатских степени, да еще потратил бы два-три полных годовых бюджета... Когда я слышу, будто русские люди не умеют работать — я всегда вспоминаю Дмитрия Балашова: да сто очков вперед — любому.

И при этом, зная о тяжелейшем положении журнала в последние годы, он предоставлял свои новые романы для публикации практически бесплатно. Вот вам и сквердность, вот и скопидомство... По сути демократическим условиям новейшего времени, журналу просто нечем было платить авторам. Д. Балашов держал данное когда-то слово: всю серию романов непременно напечатать именно в «Севере», — в благодарность за ту поддержку, которую на протяжении многих, куда более благоприятных, лет оказывал Балашову петрозаводский литературно-художественный журнал.

Так что и досадное бытовое упрямство Михалыча имеет две стороны, одна из которых полностью перекрывает и оправдывает другую.

Коль люди...

Балашов — фигура в нашей современной культуре сложная, нелегкая для окончательного понимания. И я с этим уже много раз сталкивался: одни и те же события в жизни Дмитрия Михайловича разными людьми трактуются совершенно различно, иногда даже противоположно-различно. Надеюсь, будет хорошая, большая и серьезная книга воспоминаний о Дмитрии Михайловиче Балашове. Воспоминаний и размышлений. Начать работу над такой книгой нужно немедленно, пока не требуются поиски людей, хорошо знавших Балашова, понимающих непреходящую ценность его громадного труда. Считаю, писательские организации Новгорода, Карелии, Мурманска, Союз писателей России должны немедленно выступить инициаторами создания такой книги, пока еще не нужно искать живых свидетелей жизни этого замечатель-

(Чусской эмиграции)

У нас на пределе синя,
У них на пределе золото.
Когда же, когда, Россия,
ты сбросишь что Кремль?

Во Франкфурте и в Байрек.
В немецком Мюнхене стояли

Мыши позади
Родной мы

У них на пр
Отчаяние и
Захлестывало
Книжки глядят

Простились.
Раскрытие сво
И пусть козы
Венчать их гла

Ведь с ними и та Россия,
Которую мы потеряли
Ведь с ними дниги холопе
Московских пугей!

Восседают кости за воду
Не можем расстаться
О путь кудакова подле
Нам вспоминало в темноте!

Орадиленце величье
Большими колокольчиками звонили
Зовет и скровищу поднял
И те, что не умер, подум!

Последнему десантчику
Земля отвечает стояли
Так пусть над свободной Родиной
Весенние ливи прильют!

ного человека. После выхода в свет такой книги мы, быть может, приблизимся к более полному пониманию и самой личности писателя и ученого.

А, может, и не требуется оно — окончательное понимание, ведь Балашов был в постоянном поиске и творческом горении, удивительно даже, как удалось ему дожить до семидесяти двух.

Похоже, преждевременная смерть в России начинает специализироваться не только на бизнесменах, людях деловых и денежных, а повернулась уже к людям умным и широко даровитым. Что-то в нашей жизни не то происходит, надо бы каждому подумать и понять — что именно... Из многосерийности сегодняшних российских трагедий складывается и общая избыточно-драматическая картина нашей жизни. Хочу сравнить ее с горным, шахтным явлением, с которым мне когда-то пришлось столкнуться на Кольском полуострове, называется это явление — стреляние породы. То есть, ты идешь по штреку или работаешь в забое — и вдруг из стены со страшной силой вылетает (выстреливает) камень. Слепой бездумный выстрел природы в никуда, если только на пути этого камня не попадется твоя голова. Это результат страшного давления горных пород, давления, которое ищет выхода и производит внезапный слепой выброс... Стреляние породы.

В человеческой жизни подобное стреляние производят, как правило, вовсе беспородные особи-исполнители. Не забудем только, что за всяkim умелым стрелятелем стоит заказчик со своим молчаливым прицелом... Но причины схожи: давление. В глубине горы это давление камня, в жизненной глубине это давление обстоятельств и общей иличностной безысходности. И чьей-то чересчур глубокой, сальным заглядом, заинтересованности. И вот теперь мы свидетели, как на пути летящего осколка оказался висок замечательного писателя...

Какой это странный жанр — ночные раздумья о старом друге, сороковины которого еще не наступили... Сейчас передо мной стоит фотография Дмитрия, последняя, снятая накануне его июньского отъезда из Петрозаводска, глаза у него грустные, и в лице какое-то печальное ожидание. Словно — предчувствие близкой беды.

В нем была какая-то окончательная печальная усталость. Его попросил об интервью сотрудник литературной редакции карельского радио. Разговор состоялся и продолжался около четырех часов. Балашов выглядел утомленным, хотя ни разу не терял нить беседы. Ведущий предложил прерваться, закончить интервью, но Дмитрий Михайлович ответил: «Ничего-ничего, спрашивайте, когда теперь удастся встретиться, да и удастся ли...» И еще: а что если умный человек, который долго и заинтересованно всматривался в наше общее прошлое,

обретает способность слишком ясно видеть свое собственное будущее? Ведь был же в русской истории простой монах, который, сточностью необыкновенной, за несколько лет, предсказал дату смерти Екатерины Второй. И был за эту дерзость посажен в крепость. И был выпущен из крепости приказом наследника, пораженного правдивостью старого предсказания... И свою кончину этот же монах предсказал с удивительной прозорливостью. Было.

Дмитрий Балашов прожил очень насыщенную и очень непростую жизнь. Особенную! Он жил — одновременно! — в нескольких столетиях нашего прошлого и вместе с нами — в нашем настоящем, имея уникальную возможность сопоставлять тенденции и как бы сверять правильность, а точнее — ограниченность общего направления нашей жизни, ее соответствия интересам и обычаям народа. Он и сам старался понять, и нам всем стремился передать — «к чему и зачем были труды и подвиги ныне исчезнувших людей и какой смысл имело то, что содеял московский князь Иван Калита в исходе первой половины сорового и скорбного четырнадцатого столетия»... А затем и многие другие князья — в столетия, отведенные им величественной и молчаливой Судьбой... Я понимаю, какой это сложный и всесторонне спорный вопрос, но я уверен: Балашов, как Гражданин России и выдающийся русский исторический писатель, имел законную возможность и законное право судить об истинности курса нашей общероссийской жизни. Да, Балашов русский исторический писатель, имел законную возможность и законное право судить об истинности курса нашей общероссийской жизни. Да, Балашов прожил во многом особенную и удивительную жизнь, очень напряженную и предельно творческую — во всех проявлениях. Мне кажется, жизнь его прошла по совершенно особым часам... Смерть — удивительное промежуточное состояние серьезного таланта: минутная стрелка его личных часов замирает навсегда — это так. Стрелка часовая — продолжает движение, укрупнения события минувшей жизни. И есть еще стрелка вековая — она вздрагивает, готовая показать балашовское время в будущем столетии, ее механизм рассчитан надолго, — для всех, кто был и будет в грядущем взволнован произведениями талантливого художника слова, глубокого художника русской исторической мысли.

Великая и еще недостаточно оцененная нами заслуга Дмитрия Балашова в том и состоит, что он открыл нам глаза на нашу же историю не только как перечень князей — но как на историю народа, которую сам народ и творил. Он преподнес нам нашу историю — как необходимую составляющую нашей же собственной биографии. Биографии каж-

дого читающего человека. Это редчайшее качество его исторической прозы, быть может, и самое драгоценное. Читая и переживая романы Дмитрия Балашова, всякий читатель, особенно читатель русский, найдет в себе в далеком прошлом нашей родины — пахарем или воином, ремесленником или князем, монахом или татаром... Читая и переживая романы Балашова, мы заряжаемся удивительным историческим волнением, — качеством, которое так необходимо нормальной патриотической душе, качеством, которого мы так долго были лишены по независящим от нас причинам. Читая и переживая романы Балашова, мы отчетливо понимаем:

осмысленное движение страны в будущее — совершенно немыслимо без нашего личного участия в каждом шаге. Мы понимаем, мы проникаемся пониманием, — нужно действовать, у нас есть — есть! историческое умение, у нас есть и пространство для действия, пока Вселенная снова не сожмется в кулак... И начинать нужно сегодня, немедленно. Сейчас! Сейчас!

...В июле 2000-го года мы потеряли очень большого, очень серьезного, очень русского исторического писателя — Дмитрия Балашова.

До такой даже степени большого, что все остальные исторические — лже-Дмитрии...

Феофан Грек. «Троица»
Фрагмент